

ВВЕДЕНИЕ

Если попробовать дать определение нравственно-психологическому портрету, то в таком определении необходимо должны присутствовать такие элементы:

- принадлежность к какой-либо широкой общности или типу, имеющему некие общие, сходные черты и характеристики;
- наличие своих оригинальных, несхожих с чужими черт и характеристик, выделяющих данный портрет из ряда других, в том числе родственных;
- анализ этических особенностей, выражающихся как в поведенческом /в отношениях к себе и к окружающим/, так и в духовном плане, т.е. в проявлениях философского, религиозного и культурного порядков;
- изучение психологического образа, состоящего из множества компонентов, включая темперамент, характер устремлений, степень интеллектуальной и практической активности и т.д. и т.п.;
- анализируемые элементы должны быть подвергнуты синтезу с тем, чтобы вырисовалась общая картина, истинный портрет.

Таковы основные /но далеко не все/ требования к определению нравственно-психологического портрета, в котором органически сочетаются данные таких различных отраслей знания, как философия и теология, этика и антропология, психология и эстетика, история и социология.

Когда же речь заходит о нравственно-психологическом портрете целого народа, его национальной парадигме⁺, то используются все пять вышеназванных элементов, подразумевающих личность; вместе с тем, исследователь идет от единичного к общему, пытается уловить в той психолого-социальной общности, каковой является народ, некие черты особого национального характера, что отличали бы данный народ от всех других. Чаще всего, однако, приходится ограничиваться такими чертами, которые просто в б о л ь ш е й м е р е присущи данному народу, но присутствуют так или иначе в других национальных парадигмах. Это закономерно, так как нации, как общности, гораздо менее индивидуальны как раз в силу того, что состоят из индивидуумов, и феномен нивелировки попросту неизбежен.

Вместе с тем мы вправе говорить именно об отдельном, ни на какой другой не похожем, портрете целого народа. В нашем случае - народа русского.

§ I. Восточные славяне и их место в мире. Восточные славяне - это три близкородственных народа: русские, украинцы

и белорусы. Считается, что их общим историческим корнем была единая древнерусская народность, образовавшаяся на территории проживания многочисленных праславянских племен в процессе развития единого государства. Эта территория была весьма обширна и включала в себя Восточно-Европейскую равнину, бассейн реки Днепр и Полесье, - словом, простиралась от Балтийского моря на севере до Черного моря на юге и от Карпат на западе до Волги на востоке.

Образование древнерусского государства традиционно относят к 862 году по Рождестве Христовом, к приходу в первую русскую столицу, Новгород Великий, дружин варягов /скандинавских воинов/. Не вдаваясь в полемику между сторонниками и противниками "варяжской теории" происхождения русской государственности, отметим уже самый факт того,

⁺ парадигма /греч. παράδειγμα/ - образец, пример, тип, модель; пример для сравнения или для доказательства.

что характер русского народа вполне допускал возможность прихода каких-нибудь "варягов" в качестве управителей.

Затем, при следующем за Рюриком князе Хельге /Олеге/, столица перемещается в Киев, власть крепнет, государство при потомках Рюрика Ингваре-Игоре, Свендислейфе-Святославе и его матери Хельге-Ольге постепенно централизуется. Затем, при правнучке Рюрика князе Вальдемаре /Владимире/, несмотря на значительное противодействие варяжской /языческой/ верхушки, Русь принимает христианство из владычных рук второго Рима - Византии. Это было, несомненно, одной из важнейших вех на пути централизации государства, консолидации населяющих его племен, развития ее культуры и национального самосознания.

Уже сын князя-крестителя, князь Ярослав Мудрый, вполне справедливо сознавал себя одним из могущественнейших государей Европы, и тому же отцом королей Франции, Венгрии и Норвегии. Однако все страны средневековой Европы переживали периоды феодальной раздробленности. Не миновала эта беда и Русь. Разделенная на лоскутки княжеств и поэтому ослабленная, она стала добычей мощного, централизованного и целеустремленного врага - монголо-татар. Несмотря на отчаянное сопротивление, русичи стали их вассалами, не найдя в себе мудрости объединиться перед лицом общей угрозы.

Вместе с тем, уже сам факт героического сопротивления варварам во имя свободы и христианства стал фактором ослабления натиска азиатских орд на христианскую Европу, и поддержанная соседями Польша остановила варваров у самых ворот Запада. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что тогда Русь впервые стала путем христианской Европы перед лицом азиатской экспансии. Следовательно, уже в средние века Русь заняла подобающее ей место в общем миропорядке.

Ниша, уготованная Историей для восточных славян, обычно ассоциируется с особенностями их территориального расселения - вспомним хотя бы "Философию истории" Югеля с его географическими изысками и вытекающими из них далеко идущими /или текущими?/ выводами. Нам суждено было /и будет! / находиться на стыке двух миров, на стыке двух цивилизаций - Востока и Запада. Вероятно, географический аспект действительно стал одним из важнейших, хоть и не единственным, фактором, определяющим место восточных славян в Европе и мире. Религия, особенности культуры и национального характера восточных славян тоже в немалой степени определили их место в истории.

"Пограничные" нации, т.е. народы, находящиеся на стыке двух различных и во многом антагонистических цивилизаций, всегда обладали чертами, роднящими их друг с другом. Так, наши соседи и братья-славяне - чехи и поляки - едва ли нам ближе в историческом смысле, чем далекие испанцы. Испанцы тоже находились на стыке мусульманской и христианской цивилизаций, тоже пережили длительный период порабощения азиатами /арабами/ и тоже сохранили свои религию и культуру. В то же время и народы Пиренейского полуострова, и восточные славяне не могли не испытать какого-то влияния со стороны чуждой цивилизации завоевателей не только на быт и культуру, но и на сам процесс формирования национальной парадигмы.

В результате русская парадигма заняла особое место в европейской цивилизации, и занимает это место вполне заслуженно. Отождествляя всех восточных славян с русскими, европеец узнаёт, что это именно они спасали его уютную Европу от татар, от Наполеона, от Гитлера. В школе этому европейцу рассказывали о Менделееве и Лобачевском, в опере он наслаждался музыкой Чайковского и Рахманинова, дома с восторгом читал Толстого и Достоевского. Вот, правда, не со славянского Востока пришли к нему телеграф и телефон, избирательная система и профсоюзы, электричество и ватерклозет "Битла" и Рэмбо, свобода слова и "сексуальная революция". Что ж, sum cuique /место!.

+ sum cuique - каждому своё /лат./

§ 2. Национальная парадигма восточных славян. Национальная парадигма - термин достаточно условный. Иногда его заменяют понятием народной индивидуальности. А поскольку тайна всякой индивидуальности познается отнюдь не интеллектуальным, но исключительно духовным путем, в ней всегда есть нечто не постижимое до конца. Еще Федор Тютчев писал, что "умом Россию не понять". А Николай Бердяев считал для ее постижения необходимо применять "теологальные добродетели веры, надежды и любви".

Бердяев писал, что славяне и очаровывают, и разочаровывают, вызывают к себе и сильную любовь, и столь же сильную ненависть. Это в немалой степени объясняется мерой близости или удаленности каких-то аспектов национальной парадигмы славян от западных или восточных норм. Ведь не надо доказывать то, что в славянском типе всегда и сочетались, и яростно боролись два начала - восточное и западное. То, что европейцам у нас было близким, напрочь отвергалось нашими восточными соседями, и наоборот. А что-то привлекало или отталкивало безотносительно близости или удаленности от определенных норм.

Кроме того, безграничность и необъятность земель, населенных восточными славянами, чудесным образом соответствовала устремленности в бесконечность, необъятности русской души. Если народы Европы были склонны по преимуществу к предпринимательству и культуре, то восточные славяне были более склонны к откровениям и вдохновениям. Если народы Европы были создателями аристократических или буржуазных государств, то славяне не создали в чистом виде ни аристократического, ни буржуазного общества. То, что русское дворянство было уникальным примером продуктивности аристократии, учитывать в данном случае нельзя, т.к. оно существовало как бы само по себе, не сливаясь ни с государством, ни с народом.

В процессе формирования восточные славяне прошли несколько этапов, по своей сущности и по роли значительно отличающихся друг от друга. Остановимся на краткой характеристике каждого из этих этапов-периодов. Всего их насчитывается пять:

1. Новгородско-киевский период истории Руси был весьма продуктивен: мало того, что это было время, когда разношерстные восточнославянские племена консолидировались, принимали очертания единой древнерусской народности - важно также и то, что и Киев, и в еще большей степени Новгород не были закрыты от Европы и от мира вообще; киевские политики и новгородские купцы вполне сознавали Русь одной из мировых держав, которой по праву принадлежит важное место в мировой цивилизации.
2. Период татарского ига не был столь же продуктивен, хотя и весьма важен: во-первых, русичи обнаружили перед всем миром две свои взаимоисключающие /на первый взгляд/ черты - неспособность к единению перед лицом угрозы с Востока и массовый героизм сопротивления агрессору - опровергая сами себя, они то дружно поднимались для отпора шведским и тевтонским рыцарям, то сознательно унижались перед Ордой, как тот же св. князь Александр Невский или его внук Иван Калита; во-вторых, позитивным был аспект взаимодействия с восточной культурой завоевателей и одновременно выработка стойкости духа при защите собственных религиозных и культурных ценностей; в-третьих, именно тогда было положено начало постепенному отдалению друг от друга, в силу географического и политического положения различных частей Руси, великороссов, малороссов и белоруссов.
3. Московский период отмечен лишь одним позитивным моментом - собиранием русских земель вокруг Москвы: начавшееся еще в недрах второго периода, при Калите, оно ускорилося при Василии и Иване III, завершившись в целом при Иване IV Грозном и Алексее Михайловиче; это собирание в короткий исторический срок превратило Россию в державу

чудовищных размеров, на территории которой легко можно было разместить пару Римских империй; однако те же исторические фигуры, в частности, Иоанна Грозного, превратили этот период в самый душный, антигуманный, азиатски-тоталитарный отрезок русской истории, когда государство в лице царя стало гипертрофированным институтом и склонялось скорее к автаркии, к замыканию в себе.

4. Петербургский период был, пожалуй, наиболее продуктивным в российской истории: он важен прежде всего потому, что тогда в с е е восточные славяне смели, наконец, выразить себя в мысли и слове после долгого периода безмыслия и бессловесности, причем происходило это в условиях почти полного отсутствия внешней /политической/ свободы; что же касается свободы внутренней, то славянам ее всегда было не занимать. За исторически короткий срок - всего за два века - Россия стала мировой сверхдержавой не только по территории - произошел фантастический расцвет буквально во всех областях общественной, экономической и культурной жизни: Герцен точно подметил, что на реформы Петра русский народ ответил появлением Пушкина. Стоит лишь дополнить, что не только Пушкина. Мировая наука обогатилась открытиями Ломоносова и Менделеева, Лобачевского и Павлова. Мировая литература за короткий период примерно в полвека пополнилась целой плеядой "звезд" 1-й величины, Тургеневым, Достоевским, Толстым, Чеховым. Мировое искусство приняло в себя шедевры Чайковского и Репина, Скрябина и Врубеля. Даже в таких традиционно "нерусских" областях, как экономика и право, наблюдался существенный прогресс: после реформ Александра II российские суды присяжных по демократизму не только сравнялись, но и превзошли европейские; к 1913 году экономисты России и Запада всерьез - и вполне обоснованно - рассчитывали, за сколько лет Россия догонит и превзойдет заокеанского экономического монстра - США - по уровню производства и национальному богатству.

5. Советский период явился досадно-запоздалым повторением периода третьего /конечно, социально-политически трансформированного/: тот же тоталитаризм, то же, ничем не объяснимое /но объяснимое/ отстранение от всего цивилизованного мира, та же духовная нищета и то же жестокое преследование инакомыслия. Только сабель и стрел - ТТ и "Калашников", да в подвале ядерная бомба, чтобы из-за "железного занавеса" не помешали. В этот период территориальная экспансия Империи достигла апогея, пустив свои метастазы во множестве стран-сателлитов в Европе /от ГДР до Болгарии/, Азии /от Кореи до Камбоджи/, Африке /от Эфиопии до Анголы/ и даже в Америке /Куба, Никарагуа/.

Как видим, история восточных славян - один из самых тяжелых и мучительных процессов становления наций и государств. Тем не менее именно в горниле этой тяжелой и мучительной истории был рожден национальный характер восточных славян, русская парадигма. Был рожден таким, каков он есть - иного нам не дано.

93. Различия между восточными славянами. Выше уже отмечалось, что в определенный, достаточно протяженный во времени, период своей истории восточные славяне были вовлечены в некие центробежные процессы, нашедшие отражение в культуре, языке и быте великороссов, малороссов и белорусов, т.е. русских, украинцев и белорусов. Отметим сразу, что можно сколько угодно спорить о самостоятельности этих народов, но это - не моя задача. Я исхожу из того, что ни один из этих народов никогда не имел государства, в котором бы не проживали представители двух других народов. Более того, не считая мимолетной и неудачной попытки сразу после большевистского переворота в Петрограде, украинцы и белорусы вообще никогда не имели государственности, а русские, хоть и были доминирующей нацией империи, отнюдь не сознавали

* автаркия - /греч. autarkeia /, политика обособления страны.

"свое" государство русским по причине его крайней этнической пестроты. К тому же, несмотря на резко русофобские настроения определенной части белорусов и особенно украинцев, в мире повсеместно фактически сложилось трудно искоренимое представление обо всех трех народах как об этнических разновидностях одной и той же нации.

Так, англичанин М. Беринг считал, что русские и украинцы - всего лишь более северные и более южные русские, подобно итальянцам Милана и Сицилии или французам Парижа и Прованса. Однако он отмечает и различия между ними:

"Малороссы более беспечны, менее предприимчивы, у них более живой ум и воображение, они менее положительны, более индивидуальны, а великороссы склонны к кооперации. К славянскому племени великороссов присоединилась примесь финнов, но не татар; татары имели на Россию политическое влияние, но не расовое".

/21, с. 34/

Примесь финской крови Беринг объясняет и такую черту великороссов, как упорство. Хотя и украинцы не менее упрямы: в своей страсти к "самостийности" они заходят достаточно далеко. Не случайны анекдоты о глобусе Украины и о происхождении древних греков от украинцев, ведь Украина официально меняет грамматику других языков, в частности, русского и английского. В английском языке, как исключения, приняты определенные артикли перед такими географическими названиями, как Кавказ, Крым, Украина, Нидерланды, Аргентина, Конго и Гаага. Но украинцы упрямо пишут не *the Ukraine*, а просто *Ukraine*. В русском языке перед географическими названиями Кавказ, Украина, Куба, Филиппины и др. принято ставить предлог "на". Украинцы же упрямо пишут "в": "в Украине". Не смахивает ли это на комплекс неполноценности?

Следует отметить, что украинцы и белорусы не избежали посторонних влияний на быт, культуру и вообще на национально-политическое самосознание. Немаловажным фактором в этих влияниях был фактор географический: оба народа в силу ряда исторических причин подвергались естественной, а иногда и насильственной полонизации, т.к. территория, на которой они проживали, соседствовала, а то и входила в состав сильного в те времена польского государства. Для небольшой части белорусов опутимо было некоторое влияние Литвы в период ее возвышения, а для столь же небольшой части украинцев - влияние Венгрии.

С М. Берингом во многом согласен французский исследователь Леруа-Болье. В первом томе своего обширного труда о России он прямо указывает на то, что великороссы и малороссы, как северное и южное племя одной и той же нации, своим характером дополняют друг друга. Такое единство, говорит он, создает величие всех великих наций. Ученый считает, что украинцам-сепаратистам следовало бы понять, что разделение двух русских племен на два государства неизбежно приведет к снижению значительности и ценности украинского народа во всемирном историческом процессе.

Но это точка зрения ученых-этнографов. Политики на Украине, как и западные политики и особенно военные, этнографов не слушали, подходя к проблеме совершенно с другой точки зрения. Но это уже геополитика, то есть совершенно не наш предмет. К тому же политическое разделение, уже произошедшее, *volens - nolens*^{*}, просто следует воспринимать как данность, которая, по счастью, пока не затронула глубинных корней восточнославянского братства. Да и в политическом отношении дезинтеграция - уже давно пережиток прошлого, и история со временем расставит все по своим местам. Ведь объединяется же под крышей одного европейского дома романоязычные французы и итальянцы с германоязычными немцами и англичанами, угроязычные финны и "особоязычные" греки

* *volens - nolens* (лат.) волей-неволей

рядышком терпят, да еще и славяноязычных поляков и чехов к себе поджидают!

Традиционная вульгарная дифференциация "кацапов"-русских, "хохол"-украинцев и "бульбашей"-белорусов примитивна и поверхностна: "кацап" простоват, "хохрл" хитроват, "кацап" - "душа нараспашку", вагон дармовых яблок или раздал, или пропил, сам без порток остался; "хохол" в вагоне заперся - "не зым, так хоч понадкусю"; "кацап" ленив и пьян, "хохол" всё "додому, до скриньки", поет красиво, когда в меру горилки выпьет... Мне, однако, гораздо более импонирует то, в чем проявляется сходство, а то и идентичность национальных парадигм трех восточнославянских народов.

§ 4. Противоречия русской парадигмы. То, что русский народ по своему характеру чрезвычайно поляризован, было замечено давно.

Крайности, гипертрофия и доброго, и злого, глубоко укоренены в нас. Поэтому такая полярность вызывает к жизни досадные противоречия в русском характере. Бахвалиться "широтой русской души" - не лучший комментарий к тому, что зачастую мешает нам жить и уж в любом случае совершенно не объяснимо представителям других народов:

"Коль любить - так без рассудку,
 Коль груозить - так ненашутку,
 Коль грубить - так сгоряча,
 Коль рубить - так уж с плеча".

/А.К.Толстой/

Такая "широта души" не случайно вызывает беспокойство других народов. Крайности суть крайности. Недаром украинцы говорят: "Що занадто - то не добре". Кому, например, понравится такая "достоешина": мужик во хмелю, из-за неподеленной "трешки", брата зарубил, но вышел из избы и, рискуя жизнью, спас котенка из-под колес телеги - и теперь расчувствовался, гладит "животинку" кровавыми руками и приговаривает: "Ах ты, шельмец! Али жить надоело?"

Полагая национальную парадигму как некую "народную индивидуальность" /а народ есть общность лишь по отношению к составляющим его индивидуумам: для других народов и их представителей он обладает чертами индивидуальности, как всякая личность обладает индивидуальностью по отношению к другой личности/, русский религиозный философ Николай Бердяев пытался найти корни этих противоречий, этих кричащих противоположностей русской души:

"Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микрокосм и потому заключает в себе противоречия, но это бывает в разн^{ой} степени. По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание. Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории - Восток и Запад... Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное". /7, с.44, разрядка моя/

Так, может быть, отсюда и два противоположных начала русской парадигмы: природная, полуязыческая стихия - и аскетически-монашеское православие? Не эти ли начала и явились истоками кричащих противоречий русской души? С одной стороны - деспотизм государства и тоталитаризм общества, с другой - вольница разинных и пугачевых, анархизм бакуниных, нигилизм нечаевых, терроризм ульяновых и савиных... Как будто все на свете противоположности вместила в себя русская душа - не в этом ли ее пресловутая "широта"? Да как же

не поразиться какому-нибудь французу или немцу, чей характер можно исчерпать двумя-тремя фразами, когда он видит в одной и той же душе звериную жестокость и шепчущую нежность, строго-каноническое старообрядчество и вдохновенное Бого- /правдо-?/ искательство, общинный коллективизм и обостренное сознание личности, смиренную религиозность и воинствующее безбожие, близорукий национализм, и природный, невымученный универсализм, холонское раболепие и "дикий, беспощадный бунт"?

Николай Бердяев, наделяя русский народ чертами одновременно и Запада, и Востока, вольно или невольно опровергает своего предшественника - Петра Чаадаева. Знаменитый друг Пушкина, как и Бердяев, считал, что "народы - в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности". Однако он полагал, что беда русских - как раз в том, что они никак не определяются, какой же дорогой идти, никак не могут приблизиться к истинам и открывают для себя то, что другими уже давно открыто:

"...мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств рода человеческого; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого... Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок". /12, с. 41, 44

Каковы бы ни были причины столь яростной борьбы против положностей в русской душе - остается лишь констатировать существование такой борьбы безотносительно ее истокам - конфликту Востока и Запада или полной бесосновности, равноудаленности и от Востока, и от Запада. К тому же, объективно негативное в русской душе может быть даже проявлением Абсолютного Добра, если его рассматривать субъективно. Касаясь именно этого - вполне парадоксального - свойства русской души, Николай Лосский уже в 1957 году, в далекой Америке, писал:

"Доброта русского человека побуждает его иногда лгать в вследствие нежелания обидеть собеседника, вследствие желания мира, добрых отношений с людьми во что бы то ни стало". /47, с. 293/

Однако, взяв себе за правило - не лгать даже во имя мира и добра - приступлю непосредственно к рассмотрению нравственно-психологического портрета русского народа, выделив в своем рассмотрении четыре аспекта: историософский, личностный, социальный и гуманитарный.